Рогора. Пламя войны

Автор:
Роман Калинин

Рогора. Пламя войны

Роман Валерьевич Злотников

Даниил Сергеевич Калинин

Два года назад отгремела битва у Львиных Врат, и Рогора завоевала независимость. Молодое королевство стремительно развивается и набирает силу, а Аджей Руга наслаждается тихим семейным счастьем в редкие, свободные от службы минуты – принц-консорт служит Родине на границе со степью.

Но Республика не смирилась с потерей южной провинции. Сейм возглавил герцог Бергарский, герой Лангазской войны. Его хитрость и изворотливый ум не уступают храбрости – и Рогору ждут внезапные и сокрушительные удары…

Уцелеет ли молодое королевство в пламени войны? Хватит ли мужества и стойкости его защитникам выстоять в борьбе с превосходящим врагом?

Роман Злотников, Даниил Калинин

Рогора. Пламя войны

Пролог

Весна 760 г. от основания Белой Кии {1} (#litres_trial_promo)

Каменный предел, «Орлиное гнездо» – цитадель Вагадара, вождя горцев

Часовой, дежурящий на вырубленной высоко в скалах площадке, в очередной раз окинул невидящим взглядом ближайший подступ к плато. А чего ради всматриваться-то в опостылевший пейзаж, да еще несколько часов кряду? «Орлиное гнездо» – название раскинувшейся у его ног цитадели говорит само за себя. Сама природа создала идеальную, практически неприступную крепость высоко в горах, окружив обрывистыми скалами небольшое плато с разветвленной системой пещер у южной «стенки». Врата – узкий, словно змея петляющий между двумя кручами проход, укреплен рублеными башнями и толстенными воротами из редкого здесь дуба. А тропинка-серпантин, ведущая к вратам из расположенной внизу долины, последние шагов этак пятьсот – шестьсот истончается до тоненькой полоски, на которой и один рослый мужик помещается с трудом!

И чего ради Вагадар загнал его, ветерана многих славных схваток (в том числе штурма Львиных {2} (#litres_trial_promo) и Волчьих Врат {3} (#litres_trial_promo)!) на эту верхотуру? Только птиц гонять, да и то они так высоко гнезда не вьют… Следить за возможным врагом? Да разве рискнет кто напасть на ближнюю дружину Вагадара (целых полторы сотни отборных рубак!), укрытую в столь неприступной крепости! Нет, конечно, у вождя есть повод для беспокойства: в последнее время вечно недовольные его усилением шакалы из клана Саалдара чересчур активизировались. Но разве сумеют они сделать хоть что-то с полусотней отборных бойцов вождя, вооруженных лучшими трофейными самопалами? Вои убыли еще с седмицу назад, и уже со дня на день стоит ждать их победного возвращения…

Неторопливые, несколько удрученные мысли стража спугнули показавшиеся на тропе люди. Старый воин уже двинулся к набатному барабану, разом сбросив меланхоличную оторопь и мгновенно превращаясь в себя настоящего – яростного бойца, безжалостно крушащего врага здоровенным двуручником, но… Но на тропе показалась всего дюжина горцев, размеренно и без всякого напряжения следующих к вратам цитадели.

«Ракичи», – только и подумал страж, вновь привычно расслабляясь. Привычно именно для этого поста. Не для схватки.

Между тем ракичи (а это могли быть только они – представители небольшого горского клана, что всю жизнь поддерживал предков Вагадара и первыми пошли под его руку) все так же неспешно приближались к воротам по своим торговым делам. В последнее время отары их рода заметно разрослись, и покладистое племя повадилось продавать овечье мясо и молоко своему господину практически за так. Вот и в этот раз…

Гости поравнялись с воротами крепости. Дежурный десяток воев-воротников также не проявил никакого беспокойства, что убедило стража в правильности его догадки. Гулко вздохнув, он чуть расслабил мышцы и потянулся к бурдюку с простоквашей и кругу мягкого соленого сыра, что остались у скальной стенки.

И в то же мгновение, вздрогнув, бросился назад, к самому краю пропасти: у ворот грянул не то двойной, не тройной залп из самопалов! И еще один, и еще…

«Они что, с ума все посходили?!» – промелькнула где-то на задворках сознания мысль, пока страж пытался понять, с чего вдруг вои-воротники открыли огонь по ракичам. В первое мгновение он еще не допустил возможности нападения со стороны гостей – мудрый и опытный Вагадар по окончании войны с лехами сумел изъять практически все огнестрельное оружие, коим сумели разжиться на войне горцы. Нет, наиболее опытные и лояльные воины сохранили боевые трофеи, взамен вступив в его младшую дружину. Вождь рассадил их по ключевым крепостцам, фактически взяв под контроль всю обжитую землю племен. Оставшиеся же огнестрелы и самопалы были свезены в цитадель.

Однако первая мысль оказалась совершенно несостоятельна – страж понял это, разглядев стремительно приближающихся по тропе вооруженных воинов. До того они скрывались за поворотом горной кручи, а теперь… а теперь спешили на помощь к тем, кто отчаянно резался с защитниками ворот.

Через мгновение старый боец сбросил оцепенение, на долю секунды сковавшее его при виде атакующих крепость горцев, – а это были именно горцы. Узловатые мышцы на сухом жилистом теле вздулись, и страж с кошачьей ловкостью бросился к набатному барабану, подхватив било. Еще через мгновение над цитаделью раздался мерный рокот ударов, предупреждающий защитников крепости об опасности.

С той же кошачьей грацией страж подхватил один из трех заранее заряженных кремневых огнестрелов, покоящихся на специально вытесанной полке, и, тщательно прицелившись, потянул за спуск. Первый же враг, вступивший на узкую часть тропы, сломанной куклой свалился в пропасть – страж достал его на предельной дистанции для огнестрела. Довольно ухмыльнувшись, он подхватил второй, прицелился, потянул за спусковой крючок – и, легко выдержав немалую отдачу тяжелого длинноствольного оружия (лехи стреляли из него только с упора, но куда им до физической мощи горцев!), вновь радостно осклабился: следующий противник, вскрикнув, сорвался вниз.

Страж еще успел отметить странные белые облачка, откуда ни возьмись появившиеся среди атакующих. Они были так похожи на дым сгоревшего пороха…

Звуки выстрелов он не услышал. Просто в единый миг давно возмужавший воин превратился в маленького карапуза, которого так любил подбрасывать в воздух отец. Почему вдруг? Но ведь именно это давно забытое ощущение невесомости, полета стало последним, что почувствовал в своей жизни страж.

Для Вагадара этот день начался столь же бестолково, как и предыдущие три. Он проснулся голым, с трудом разомкнул веки и, не в силах встать, прополз по мягким шкурам снежных барсов к невысокому столу. Однако вождь не сумел преодолеть и половины пути, как его самым банальным образом вывернуло наизнанку.

Как ни странно, после очистился не только его организм, но и мозги, и в первый раз за последние три дня горец захотел не вина – с которым так легко было впасть в спасительное забытье, – а просто воды. Желательно ледяной, из горных водопадов, берущих начало на вершинах ледника, – так чтоб зубы ломило! Эх!

С неприязнью взяв кувшин с вином, Вагадар брезгливо опрокинул его уже на испорченные шкуры, после чего припал к кадушке с прохладной водой. Живительная влага, устремившаяся по гортани к желудку, приободрила горца, и, оставив кадушку, вождь потянулся к небрежно брошенному у стенки мечу. Лишь ощутив родную тяжесть двуручного клинка в руке, Вагадар вновь почувствовал себя прежним – воином, чья воля, сила и удача подчинили ему все горские племена. И ведь это было главной его целью, его главным достижением – сплотить все племена в единый народ, обеспечить безопасную торговлю, что в разы ускорила бы развитие ремесел и, как следствие, общую

культуру! А уж там можно было бы подумать о создании государства – настоящего государства! Княжества или, быть может, даже царства! Царь Вагадар I, сам построивший свое царство!

Он уже немало прошел по выбранному в жизни пути, немало сделал для достижения цели. Когда-то несбыточная мечта, совсем недавно она казалась ему уже не столь нереальной, а вполне достижимой. И если раньше он шел вперед, лишь предполагая, что когда-нибудь, быть может, кто-то из его многочисленных отпрысков продолжит дело отца… то совсем недавно ему показалось, что главный успех в жизни, материальное воплощение мечты замаячили где-то на горизонте.

Но три дня назад… Три дня назад его воины перехватили лазутчика старейшин, что должен был объявить его людям волю Совета. Вагадар сам допросил его…

Совет объявил Вагадара вне закона гор!!!

Обычно это означало только одно: законы гор более не оберегали провинившегося, фактически проклятого самыми авторитетными судьями кланов, и каждый, кто захотел бы, мог его безнаказанно убить, отобрав понравившееся имущество или завладев приглянувшейся женой-наложницей. И теперь старейшины поставили его вне закона, после чего даже самые верные воины не имели права ему служить!

Конечно, лазутчик умер. Умерли и схватившие его – как ни было жаль Вагадару, он просто не мог позволить даже слуху просочиться сквозь стены цитадели. Он убил их своей рукой – воинов, что многие годы прикрывали его спину в бою… И самому себе Вагадар мог честно признаться: их смерть была продиктована не столько необходимостью, сколько его собственным страхом – в те первые минуты, когда он узнал волю Совета.

И это мучило его, изжигало все последние три дня – по сути, не меньше, чем страх за свое дело.

Нет, о своем, вероятно, скором конце Вагадар не переживал – он давно презрел смерть, как и большинство горцев после первой настоящей рубки. Но вот за свое дело, за свою мечту – за них он боялся по-настоящему.

Поэтому перед тем, как впасть в пьяно-бредовое состояние, он успел послать гонца Когорду, бросить в карательный рейд на клан Саалдара самых жестоких своих воинов, которые просто не станут никого слушать – им же разрешили убивать, – да отдал приказ об усилении бдительности в цитадели. После чего гнев, страх, стыд за кровь верных воинов на собственных руках все же сломили его. Тогда, три дня назад, он уже не верил, что сможет выиграть…

А сейчас?!

А сейчас Вагадар лишь свирепо усмехнулся. Как бы то ни было, но без боя он не сдастся. Он ведь прекрасно понимает, в чем его обвиняют и какой грех он совершил. Во-первых, допустил, что его союзник пролил кровь в Сердце гор {4} (#litres_trial_promo), священном для всех племен месте, а во-вторых, объединив горцев, сражался за чужие интересы, да с немалыми потерями среди своих. То, что в Сердце гор периодически резали караваны лехов и что участники последней войны вернулись с небывалой добычей (равную долю которой разделили как между живыми, так и погибшими, надежно обеспечив их семьи), – все побоку.

Но старейшины, люди действительно мудрые и весьма опытные, хорошо знали жизнь. И пока неоспоримая мощь, подавляющая в Каменном пределе сила, была сосредоточена в руках Вагадара – они лишь глухо роптали, не пытаясь, однако, открыто противостоять. Да, они видели в Вагадаре угрозу своей власти и авторитету – и угрозу далеко не надуманную. Но до поры до времени он умело защищался теми же законами гор, постепенно набирая силу. Когда же его воины вооружились самопалами рогорцев и Вагадар собрал дружины горцев в единый кулак силой – старейшины промолчали, обескураженные столь внезапным для них поворотом событий. И то, что сейчас они пошли на открытое противостояние, вовсе не жест отчаяния, когда некуда отступать. Вагадар уже двадцать лет шел к своей цели и вполне мог подождать еще немного – пока нынешние независимые старейшины не впадут в старческий маразм и на их место не придут те, кто целиком и полностью будут зависеть от вождя. Он давал им еще и время, и некоторую власть, не желая ломать сложившиеся устои и обострять конфликт. И они до поры до времени принимали эти условия. Пока в горах не появился новый игрок…

Вагадар мог поклясться всем святым, бывшим в его жизни, что новый, умелый и сильный противник появился в горах совсем недавно, месяцев шесть назад. И что это точно не Саалдар и не подобные ему относительно независимые

вожди. Нет, он уже давно догадывался что к чему – и потому послал к Когорду уже трех гонцов. Вот только… Вот только ни один из них не вернулся.

Грянувший со стороны ворот залп самопалов послышался Вагадару лишь легким, ненавязчивым шумом – его покои в пещерах располагались довольно далеко от входа. А вот удары часового в набат расслышал отчетливо. И сразу понял – шестым чувством опытного, умудренного жизнью хищника, – что этот день станет последним. Что он действительно проиграл свою партию, и последние три дня… Впрочем, хотя бы сегодня он обрел ясность сознания. С удивлением Вагадар отметил какую-то легкость на душе, на миг ощутил необычную для самого себя свободу – свободу распоряжаться своей жизнью не ради воплощения цели, а ради обычной воинской чести.

И хищно оскалился.

Когда вождь вывел полсотни воинов из пещер во внутренний двор цитадели, противник уже сумел потеснить его дружинников от ворот и занять как надвратную галерею, так и башни. Вагадар бросил взгляд на дозорную площадку, где стоял набатный барабан, но никого на ней не увидел. Направив туда трех лучших стрелков (больше на ней все равно не поместится), он бегом повел оставшихся к месту схватки.

– Огнестрелами – бей!

Ведомые вождем дружинники успели довольно неплохо снарядиться. Выстроившись пусть и в ломаную, но шеренгу, они дали залп поверху голов сражающихся, снеся роем свинца врага, занявшего надвратную галерею.

– Вперед! Самопалы к бою!

Протиснувшись сквозь плотный строй дерущихся в узком проходе, свежие дружинники разрядили во врага по паре кремневых (а у кого и колесцовых {5} (#litres_trial_promo)) самопала, сократив численность врага еще как минимум вдвое. После чего Вагадар выхватил двуручник и с яростным ревом повел воинов в рукопашную схватку.

Удар дружинников вождя был страшен – у них, ведомых живым знаменем, воином, не знавшим поражения в боях, словно выросли крылья. Их клинки замелькали вдвое быстрее, сея смерть и панику среди врага.

Вагадар же, яростно орудуя мечом, пробивался к воротам. В его сознании уже забрезжила пьянящая надежда на спасение – закрыть врата, перебить противника во внутреннем дворе, очистить башни… После чего с их количеством огнестрелов можно продержаться на изрядных запасах еды и пороха сколько угодно. По крайней мере до того момента, как придет помощь.

А она обязательно придет…

Мощный удар сверху вниз – и противник с перерубленным черепом подламывается в ногах, оседая перед свирепым вождем. И тут же блок клинком сверху, парируя атаку секиры; мгновенный перевод слева направо, сбрасывающий топорище с меча, – и стремительный укол, пронзивший плоть врага чуть ниже шеи.

Нырок под размашистый, рубящий удар – и сталь двуручника разрубает мышцы под ребрами противника. Следующий враг просто не успел поставить блок – бросок Вагадара вперед и его удар были чересчур стремительны даже для горца. Только голова подлетела вверх, навсегда прощаясь с туловищем…

Торжествуя, вождь бросился к освободившимся створкам ворот – и замер, не в силах пошевелиться. С противоположной стороны на него уставился черный зев орудия. Через мгновение его ослепила вспышка, ставшая последним, что увидел в своей жизни вождь горцев, – картечь разорвала его тело на множество кусков.

Великий ковыль, курултай торхов {6} (#litres_trial_promo)

Шагир-багатур

Барабаны… Барабаны… Их ровный, мерный рокот на протяжении вот уже нескольких дней все сильнее выматывает душу; они гремят словно не в стороне от шатра вождей, а прямо в голове, в висках. И где-то там, в глубине сознания, мне отчего-то кажется, что их ровный, мерный бит посвящен не курултаю,

а торжественным похоронам. Моим похоронам.

Рокот резко оборвался. Салем-багатур, за старость и мудрость назначенный старшим над собранием вождей, медленно встал и неторопливо, с достоинством, все еще сильным голосом произнес:

– Сегодня курултай выносит решение! Итак, вожди, есть два основных предложения: собраться и напасть на рогорцев или пойти в поход на земли лехов! Шагир-багатур, выйди в круг вождей и еще раз скажи нам, отчего ты вынес свое предложение!

Барабаны вновь заревели, еще быстрее и громче; их грохот словно подтолкнул меня в спину, но я совладал с желанием ускорить шаг, выходя на середину круга-курултая. Нет, я вышел степенно, даже чуть медля, каждым незначительным жестом демонстрируя сидящим вождям полновесную уверенность в себе и своих словах. Иначе-то и никак, без подобных, пусть и мнимых, проявлений силы мои слова и слушать никто не станет…

– Вожди! Достойные из достойных, первые в своих родах! За время курултая мы слышали немало дельных – и не очень – предложений. Но мы отказали Заурскому султанату {7} (#litres_trial_promo) собрать силы и идти воевать на берега южных морей, за чужой для нас интерес султана. Мы отказались от набега на ругов, потому что знаем, что их витязи встретят нас на самой границе степи и что поход этот обернется большой кровью. Мы это знаем. Но разве не говорил я вам, что Когорд-багатур создал не менее сильную стражу на границе Рогоры {8} (#litres_trial_promo), чем руги на своих землях? И скольких воинов мы потеряем в схватках со всадниками рогорцев?!

Круг вождей отозвался глухим ропотом на мои слова, но, уважая традиции курултая, все они, даже Салах-багатур, мой самый яркий и последовательный враг и противник на Совете, сдержали свои чувства. Поэтому я в очередной раз продолжил, силясь достучаться до их здравого смысла:

– Однако Когорд-багатур обещает дать нам еще больше оружия, что вы видите на поясах моих воинов! У каждого из десятка моих верных батыров имеется пара колесцовых самопалов – а если в кочевьях так будут вооружены не десяток лучших бойцов, а как минимум сотня?! А ведь рогорцы за поход на лехов также обещают богато заплатить зерном. И если мы обойдем Каменный предел с

востока, то вполне можем захватить ту часть южного гетманства {9} (#litres_trial_promo), до которой не добрались в предыдущем походе. Пока лехи опомнятся и соберут достаточно сильное войско, мы разорим земли их кметов {10} (#litres_trial_promo), заберем богатства шляхты {11} (#litres_trial_promo) и вдоволь насладимся белокожими телами их сладких баб!!!

Молчание. Давящее молчание стало ответом на мой призыв. Игла страха больно кольнула сердце, но показать свое волнение здесь и сейчас все равно что дать команду «фас!» своре голодных псов. Нет, я лишь легонько кивнул Салему и, дождавшись его утвердительного кивка, столь же неторопливо и независимо удалился к своим воинам. В конце концов, это уже не первый курултай и не первый отказ вождей принять мое предложение. И не раз было так, что, отказавшись раз десять, на одиннадцатый вожди принимали мои доводы.

– А теперь пусть выступит Салах-багатур!

Ну вот уже и его очередь… Учжерде… Если бы Когорд не дал в свое время приказ стрелять по бегущим с поля боя торхам {12} (#litres_trial_promo), то просто проиграл бы битву. Пустая мысль и пустой разговор, трезвомыслящие вожди понимают правоту Когорда в битве и мою невиновность как вождя походной орды – ведь я не давал команды отступать, воины сами ослушались приказа. Но одно дело голова, а другое – чувство потери соплеменников, что так будоражит кровь горячих степняков, хоть рядовых воинов, хоть вождей.

И все же здравый смысл…

– Славные из славных! – Молокосос Салах, чуть ли не выбежавший на середину круга, едва не лопается от распирающих его чувств и с огромным трудом сдерживается, чтобы не перейти на крик (но голосок-то играет!). – Мы уже не раз слышали слова продавшейся рогорцам ехидны, что лишь по вашей милости по-прежнему признается вождем. Пролитая рогорцами кровь зовет нас мстить! Они предали нас в бою!! Они предали нас, напав на отряд моего брата и целиком истребив его!!!

– Да потому что твой брат был кровожадным скотом, истребляющим все живое на своем пути! И трусом, что вечно жался в битве в задних рядах!!!

– Шагир-багатур! Я призываю тебя сдерживать чувства! – Салем не на шутку рассержен, да и я хорош – не стерпел, нарушил обычай курултая из-за какого-то сопляка, опустился до его уровня мелочных оскорблений…

– Мой брат был торхом! Но я буду не прав, если стану уговаривать вас исходя лишь из собственного чувства мести. Нет! Все мы знаем, ради чего наш враг Когорд призвал всадников степи в свой прошлый поход – все рассчитав, он обезопасил себя от удара в спину. Чем тот поход кончился для нас?! Едва ли четверть бойцов вернулись к семьям, а всю добычу, всех лучших лехских рабов, самых крепких мужчин и самых красивых и юных дев Когорд заставил продать за бесценок, практически открыто пригрозив оружием! Разве это достойная плата за поход?!

Но что было после?! А после, пока чуть ли не в каждой нашей семье жены и матери оплакивали павших батыров, рогорцы вероломно вторглись в земли, что еще прадеды наших прадедов топтали копытами своих коней! В считаные седмицы они возвели в степи деревянные крепости, перекрыли всю границу Рогоры острогами и разъездами рейха-архан {13} (#litres_trial_promo), углубившись в Великий ковыль где на два, а где и на три дневных перехода! Это позор!

Учжерде! Вожди открыто поддерживают щенка громкими и одобрительными выкриками! Плохо дело! Между тем, выждав короткую паузу, Салах продолжил:

– И что предлагает нам старый шакал, с потрохами продавшийся рогорцам? Напасть на лехов, снова прикрыв спину Когорду?! Чтобы он, разобравшись с более сильным противником, смог опять развернуть клинки своих воинов против степи? Вновь углублялся в наши земли, возводя один за другим остроги, крепости, укрепленные поселения вооруженных пашцев?!

– Нет!!!

– Так давайте же сделаем правильный выбор, вожди! Объединим силы и вернем землю, что принадлежит нашему народу вот уже десяток поколений!

– Да! Да!!!

– Побьем рогорцев!

– Разорим грязных пашцев!!!

Силясь сохранить ледяное спокойствие – единственное, что может хоть немного привести в себя разошедшихся вождей, – я взял слово, пусть и нарушив тем самым традиции курултая:

– Не забывайте, уважаемые вожди, о многочисленности стражи и мощи постоянной армии Рогоры. Они вооружены пушками, огнестрелами и самопалами, у них множество всадников, в том числе панцирных кирасир. Разве тягаться нашей легкой коннице с их войском?!

Салах ответил мне насмешливым взглядом и прежде, чем меня одернули, негромко, но так, что все услышали, произнес:

– В грядущей войне у всадников степи будет союзник. Могущественный союзник, что расплатится с нами куда честнее шакала Когорда! Верно я говорю, вожди?!

От оглушительного рева участников курултая заколыхались прочные, тканные из козьей шерсти стенки шатра; от него заложило уши, и он заставил встревоженно заржать кобылиц, оставленных у ближайшей коновязи. Уловив краем уха конское ржание, я вдруг понял, что сейчас еще не поздно верхом покинуть курултай и что есть силы устремиться в Рогору, предупредить Когорда…

Неспешно встав, я развернулся к своим воинам, жестом приказав следовать за собой, сделал шаг… и уперся в грудь Керима, высокого и статного батыра, неизменно сопровождавшего меня во всех схватках вот уже десять лет. Голос Салема, раздавшийся за спиной в разом стихнувшем шатре, словно ледяным вихрем обдал кожу на загривке:

– Курултай окончен!!! И законы его более не охраняют никого из вождей…

И тут же ему вторит визгливый крик щенка Салаха:

– Вот и все, тварь, сегодня ты заплатишь за кровь моего брата!!!

Кровь ударила в голову, вместо барабанов в висках забухали тяжелые молоты. Уже осознав, что я не успел, и бросив гневный взгляд на изменивших воинов, всем своим видом показавших, что более мне не повинуются, я в ярости развернулся к врагу:

– Так приди и возьми плату крови своей рукой, щенок! Коли не струсишь!!!

Булатная сабля со свистом покинула ножны, привычным весом в руке придавая воинской уверенности. Ублюдок Салах не увидит окончания сегод…

Резкая боль в груди – и сразу ставшие хуже видеть глаза все же разглядели, как из солнечного сплетения вдруг выросла длинная полоска окровавленной стали. Из тела будто вырвали стержень, и все конечности в единый миг отказали: немеющая рука практически выронила саблю, а ноги предательски подломились в коленях.

В следующий миг очередная вспышка боли пронзила сознание – чужой клинок рывком вырвали из плоти. Мгновение спустя из горла извергнулся поток крови, во рту стало неприятно солоно и влажно… Последним усилием направляю клинок собственной сабли в землю и, опершись на нее как могу, выпрямляюсь, встав на колени перед медленно приближающимся Салахом.

– Не сомневайся, я возьму плату крови своей рукой!

Враг замахнулся для удара, и в последний миг я закрываю глаза, желая воскресить в память лицо дочери и только-только родившегося внука…

Часть первая

Цена предательства

Глава 1

Лето 760 г. от основания Белой Кии

Окрестности Лецека, родовые земли короля

Принц-консорт{14} (#litres_trial_promo)

Аджей Руга

Дорога наконец освободилась из тисков обступившего ее леса, открывая вид на впереди стоящий город, живописное озерцо, раскинувшееся чуть в стороне… и я застыл как вкопанный, силясь справиться с наваждением. Неужели?! Неужели два года назад на этом самом месте я впервые встретил Энтару?! Неужели прошло уже целых два года, так много и так мало? И как же разительно они изменили мою судьбу…

Наши судьбы!

Едва справившись с нахлынувшими воспоминаниями, я с волнением вгляделся в противоположный берег озера – а вдруг?! Вдруг все повторится вновь, вдруг я вновь увижу огромного коня, бешено несущего крохотного седока?!

Нет… Там никого нет.

И хорошо.

Два года. Да, два года… Знакомство с Энтарой и стремительно захватившие чувства, борьба за свою любовь и служба в страже, воссоединение с возлюбленной и участие в восстании на стороне Рогоры. А что дальше?

А дальше ранение и близкая гибель, от которой меня спас тесть – и по совместительству король новорожденного королевства. Да… Такое не забывается. Этот поступок Когорда разом смыл все зло и всю ложь, что были до того, и оставил за собой неоплаченный долг. Долг жизни и самого преданного служения сюзерену, запросто рискнувшего собой ради спасения зятя и вассала.

Аруг {15} (#litres_trial_promo) негромко всхрапнул – неизменный спутник и верный боевой товарищ, он отлично чувствует мое настроение, а учитывая те новости, что я решил лично доставить королю, настроение у меня самое поганое. Силясь отвлечься от дурных дум, я вновь переключился на воспоминания.

После битвы у Волчьих Врат (банальщина, конечно, но именно так окрестили рогорцы сражение, в котором завоевали свободу) меня отправили восстанавливаться в заботливые руки понесшей жены, в коих я и пробыл более пяти месяцев. И это было самое счастливое время в моей жизни, иногда казавшееся мне необъятной вечностью, а иногда – кратким мигом.

Но пока я отлеживался в объятиях любимой супруги, поддерживаемый отцом на редких прогулках, Когорд строил свое королевство. Оставив значительные силы пикинеров {16} (#litres_trial_promo) и стрельцов в Волчьих Вратах и поставив над ними окончательно восстановившегося Торога, король двинул всю легкую конницу на границу со степью.

Идея была проста и практична: пока ослабленные огромными потерями «союзники»-торхи не восстановили силы, Когорд решил занять тот кусок приграничных плодородных земель, который входил когда-то в состав древнего княжества. Благо опыт освоения «ковылей» у короля имелся: не успели еще торхи покинуть наши земли, как по всему приграничью закипело строительство больших и малых крепостей. Собственно, их возведение началось еще до окончания войны: сдавшиеся на милость победителей пленные фрязи, разбитые по сотням, успели возвести малые деревоземляные укрепления с крохотными бастионами на углах и равелинами {17} (#litres_trial_promo) перед вратами. Настоящие крепостцы на манер военного искусства срединных земель… Систему из тридцати новых укреплений «уплотнили» двумя большими деревянными крепостями – именно теми, что Когорд якобы возводил на своей земле и недостроил. На самом деле они были отстроены… и разобраны до лучших времен. Вот времена и настали, и две уже фактически готовые крепости в кратчайшие сроки были возведены на новых местах. Гарнизоны их составили новоиспеченные стражи из Корга – из последнего набора, в который когда-то попал и я…

Кочевников ждал неприятный сюрприз, но особого возмущения не последовало: чуть более тысячи уцелевших торхов под формальным началом Шагир-багатура сопровождали около двух с половиной тысячи рейтар и бывших дружинников владетелей. Почему бывших? Да потому, что во время подписания мирного

договора с Республикой Когорд между делом упразднил баронские и графские дружины, а уцелевших воинов пообещал расселить на новых, чрезвычайно плодородных (но столь же и опасных) землях. Обещание он сдержал, выделив рядовым бойцам столько земли, сколько каждый из них мог обработать, да еще и освободил от налогов на пять лет.

Владетели, формально сохранившие свои земли и власть над ними, были, конечно, против. Когорд незамедлительно продемонстрировал, что реальная власть находится в его руках, походя казнив отца и сына Лагранов, возмущавшихся больше прочих; видимо, предыдущий урок не пошел им впрок.

Захват древних земель Рогоры – деяние действительно великое, по-своему не уступающее победе над Республикой, – Когорд сумел воплотить в жизнь лишь за остаток осени и зиму. Весной же столетиями непаханый чернозем вновь познал плуг рогорца. Рывок в степь состоялся.

Единственным темным пятном на фоне успеха новоиспеченного короля стало бедственное положение тестя, Шагира. Да, степняки под его началом взяли богатейшую добычу, множество пленников (большинство из которых, впрочем, пришлось за бесценок продать – Когорд в последний миг решил увеличить численность подданных). Но торхи затаили злобу еще после истребления особо лютовавшего кочевья. Огромные же их потери в боях и тот факт, что в последнем сражении рогорцы повернули оружие против побежавших союзников, озлобило степняков до предела… А рывок Рогоры в Великий ковыль стал последней каплей – в родные кочевья торхи уходили врагами.

Как итог, авторитет и популярность военного вождя Шагира-багатура растаяли словно снежная баба на летней жаре. Чтобы хоть как-то спасти родственника, Когорд выделил его воинам значительное количество трофейных самопалов с кремневыми замками и даже с полсотни кремневых огнестрелов, а кроме того, тяжелое вооружение для латных всадников. Шагир в короткий срок перевооружил горстку сохранивших ему верность батыров и откочевал к самой границе с Рогорой, что принесло выгоду обоим родственникам: Когорд получил дополнительную защиту вновь освоенных рубежей, а Шагир – крепкую опору в тылу на случай серьезного противостояния с озлобившимися соплеменниками. В краткий срок степной вождь восстановил часть утраченного авторитета – ведь торхи прежде всего уважают силу, а благодаря поддержке Рогоры Шагир обрел немалую мощь. Вскоре к его кочевью присоединились многие из тех, кто по первости смалодушничал и бросил вождя, а также мелкие кланы, спасающиеся

от кровной мести. Прошлой же осенью его кочевье пополнилось многими семьями, спасающимися от голода: в степи случился массовый падеж скота, а наши пашцы щедро и недорого продавали торхам Шагира зерно – естественно, по указанию Когорда.

Со стороны кочевья Шагира за обе осени не последовало ни одного нападения, не беспокоили соплеменники и королевского тестя. Так что очередное приглашение прибыть на весенний курултай, преподнесенное вождю с соблюдением всех обязательных традиций, Шагир принял относительно спокойно, не забыв, впрочем, известить Когорда. И вот по истечении всех мыслимых и немыслимых сроков проведения курултая кочевье Шагира без каких-либо объяснений (да даже короткой весточки от тестя!) снялось с обжитого места и удалилось в степь. Собственно, с этой новостью я и отправился лично к королю, временно пребывающему в Лецеке…

Шум города, различимый еще на дальних подступах, становится оглушающим, а неприятный запах, различаемый уже за версту, и вовсе нестерпим. И как они умудряются выживать в этой вони? Неужели к ней можно привыкнуть? Хорошо хоть резиденцию королевской семьи возвели за городом…

Ближе к зиме, когда мы с отцом покинули Лецек, Энтара уже благополучно разродилась крепеньким малышом, непривычно серьезно смотрящим на окружающий мир. Покидать ставшую особенно ласковой жену, чья любовь и нежность ко мне после родов только возросла, как и расставаться со сладко пахнущим карапузом было до жути тоскливо – но меня звал долг принца-консорта и приказ короля. От совсем уж смертной тоски меня спасало лишь присутствие отца, который, впрочем, так же глубоко переживал расставание с внуком. Но иного не дано – Когорд более не мог заниматься одним лишь освоением степного приграничья, его ждало целое королевство и сонм порой просто неразрешимых проблем, а Торог, назначенный главнокомандующим регулярной армией, спешно проводил военную реформу.

И надо сказать, что Когорд, всю свою жизнь посвятивший великим целям – завоеванию Рогорой независимости, освоению плодородной степи и провозглашению королевства во главе с ним самим, – по достижении их столкнулся с новыми сложностями и к некоторым из них был просто не готов.

Вдвое разросшийся город неумолимо приближается, отвратительная вонь отходов мастерских и шум работающих цехов становятся просто нестерпимыми.

Но делать нечего, дорога к загородному дворцу короля ведет именно через Лецек.

Навстречу с широкой улицы выезжает куцый обоз в три телеги. На передке первой повозки восседает немолодой уже купец, неприлично худощавый для своего сословия (а скорее общепринятого мнения о зажиточности и дородности купечества). Н-да, торговать у нас особо нечем – и скорее всего, повозки набиты исключительно недорогими ремесленными поделками, спрос на которые неизменно возрастает к предгорьям.

Когорд верил и верит, что только развитие ремесел и освоение новых технологий дают шанс Рогоре сохранить независимость и стать в будущем великой державой. Однако фундаментом для развития ремесел является предприимчивое и умное купечество, а оно в Рогоре не слишком многочисленно и, увы, никогда не имело должного потенциала. Не было в захудалой республиканской провинции и развитого ремесленничества, а тем паче мануфактур и заводов на ванзейский манер. Да, Когорд выбил весьма неплохие торговые условия при подписании мирного договора с Республикой, но честности лехов хватило ненадолго. Всего три или четыре торговых каравана без особых сложностей добрались до ругов, после чего наши купцы стали просто пропадать. Лехи лишь разводили руками и указывали на разгулявшихся бандитов. Еще и набрались наглости просить заем на наемников, способных очистить их земли от разбойных гнезд! Что же касается ругов и фрязей, им целенаправленно ввели значительные налоги на транзит, обусловив недавно прошедшей войной и необходимостью уничтожения тех же разбойников.
И сопредельные державы благоразумно предпочли торговать в приграничье Республики, благо что лехи предложили им весьма достойные условия. Так что в итоге никакого развития и подъема купечества не состоялось – о чем, собственно, и свидетельствует встреченный мною куцый обоз и внешний вид умаявшегося пыльными дорогами торговца…

Соответственно приостановилось и развитие ремесел. В Рогоре было не так и много умелых рукодельцев, более половины которых перебрались в Корг еще до начала войны – все они трудились в степной страже. Когда же Когорд осознал, что буйного развития ремесленничества на местах не последует, он решил создать хотя бы единый его центр. Ведь только в таком случае наши умельцы имеют возможность изучать и внедрять в производство передовые технологии, а кроме того, имеют шанс изобрести что-то свое. Его выбор пал на Лецек – располагая, с одной стороны, неплохой дорожной развязкой, город и так уже

принял многих мастеров, сформировавших собственную гильдию, а с другой – обладал значительным потенциалом для промышленного развития.

Что же, по всему видать, чутье и здравый смысл Когорда не подвели: всего за один год Лецек разросся вдвое (а возможно, уже и втрое), превратившись в солидный даже по республиканским меркам центр литейных и оружейных заводов, ткацких и кожевенных мануфактур, гильдий искусных каменщиков, кузнецов, столяров, плотников и даже художников. Только вонь здесь стоит страшная, и жуткий грохот не смолкает ни днем ни ночью, так что моей семье пришлось перебраться в летнюю резиденцию. Долгое время она представляла собой лишь несколько охотничьих домиков старого барона, затерявшихся в окрестных лесах…

Создав единый производственный центр, Когорд решил проблему развития и освоения новых технологий, а также закрыл по большей части вопрос материального обеспечения армии. Проблему отсутствия купечества, а значит, и оборота готовой продукции, новоиспеченный король решил незамысловато и даже изящно, предоставив «мастерам Лецека» государственные заказы. А для равномерного обеспечения наших рукодельцев всем необходимым был установлен обязательный уровень достатка отдельно взятого работника, в соответствии с которым на общее число мастеров в Лецек начало поступать мясо, зерно, рыба, фрукты, молоко, приобретенные королем у своих же пашцев и скотоводов. При этом для стимуляции работы внутри гильдий была придумана особая ранговая система, по состоянию в которой мастер обеспечивается всем необходимым на том или ином уровне. Надо отметить, что гильдейское руководство получает значительно больше, чем простому человеку требуется для проживания и пропитания.

Однако при закупках того же зерна и мяса и вообще в процессе всех товарно-денежных отношениях внутри королевства вдруг выяснилось, что в Рогоре нет ни собственной валюты, ни единого стандарта, что мог бы ее заменить! По всей стране в ход шли и лехские кроны, и ругские руби, и заурские дахремы, и ценились они исключительно по весу драгоценного металла (золота или серебра), из коего изготовлялись. Самым же жутким стал тот факт, что на территории Рогоры нигде нет действующих рудников по добыче серебра или золота. А ведь провозглашение королевства и короля само собой подразумевают, что появятся и монеты собственной чеканки с профилем государя. И вот тут-то Когорд сел в лужу…

Первым делом он попытался изъять из оборота республиканские кроны, чеканящиеся из серебра. Сразу вопрос – а как? Недолго думая король приказал чеканить монеты с собственным профилем из железа и в честь бывшего баронства назвал их корами – по его задумке стоимость новой монеты должна была стать адекватна стоимости республиканской кроны. Но не тут-то было! Народ просто отказался использовать «корговы железяки» во всех торговых операциях, мелкие монетки собирались разве что на переплавку – да и то металл на них шел самый некачественный.

Тогда Когорд рискнул было волевым решением изъять все иностранное золото и серебро, пустив его в переплавку, – и первые же «собиратели» из королевской гвардии пропали. Просто пропали – да в светлые, погожие деньки, посреди улиц мало-мальски значимых городков и даже деревень… Ситуацию спас верный советник короля, Ларг, предложив закрепить за корами стоимость определенного веса зерна. Идея тут же себя оправдала, как только продажа и покупка королевского зерна пошла только на коры (королевский указ!), а последние перестали чеканить массово, втридорога меняя уже имеющиеся запасы на золото и серебро. Понемногу железный кор стал ходовой монетой с уже граничными значениями мены на кроны, руби и дехремы, и запасники Когорда вновь стали пополняться монетами из драгоценных металлов. Последние, впрочем, тут же переплавляли на золотые и серебряные коры, за которыми закреплялись новые значения веса все того же зерна. Правда, в оборот их пока не пускают…

– На караул!

Преградившие мне путь молодые бойчины только-только поступили на службу, и это сразу бросается в глаза – по тому, как неуверенно они держатся в седле и как неловко выхватывают сабли из ножен, и по глуповато-испуганному выражению на лицах после прозвучавшей команды ветерана-полусотника. Отряд новобранцев спешно перестраивается в две шеренги вдоль улицы, воздев над головой обнаженные сабли. М-да, как-то я не привык к столь пристальному вниманию к моей скромной персоне.

Впрочем, скромной ли? Ведь я теперь не только муж принцессы, но и цельный полковник (нововведение Когорда по подобию ванзейского войска), достаточно известный как в степной страже, так и в южных воеводствах.

А ведь сколько крови Когорду и Торогу попила армейская реформа…

Начать надо с того, что за время освободительной кампании мужское население Рогоры понесло значительные потери. Погибшими и тяжелоранеными, не способными не только вернуться в строй, но и утратившими всякую возможность прокормить семьи самостоятельно, выбыло порядка девяти тысяч здоровых, полноценных мужчин. Королевская армия сократилась до одиннадцати тысяч, что, скажем так, делало ее наступательные возможности совсем мизерными, а оборонительные снизило на порядок. Пока Рогора воевала с Республикой, объединившись с ордой, этих сил еще могло хватить, однако все понимали, что в следующий раз степняки не преминут ударить в спину. А в том, что последует новая война с Республикой {18} (#litres_trial_promo) и что она явно не за горами, Когорд даже не сомневался.

Фактически она началась с гибелью первого же нашего каравана на земле лехов. И хотя последние клянутся, что это дело рук разбойников, веры им нет никакой… Герцог Бергарский (теперь уже герцог!), славный герой обороны Тарга и Бороцкой битвы {19} (#litres_trial_promo), был вновь приближен королем. Он получил не только высший сановный титул, но и южное гетманство в личные владения, а кроме того, практически неограниченную власть, будучи избран сеймом верховным председателем. И нападения на наши караваны стали своего рода фундаментом для очередного витка его политической карьеры…

Объявив о необходимости борьбы с разгулявшимися разбойниками, Бергарский сумел убедить сейм в создании летучих отрядов профессиональных кавалеристов, наподобие регулярной армии. С той лишь разницей, что они не признавались как регулярная армия и не подпадали под изданные тем же сеймом эдикты, в свое время ограничившие численность коронного войска.

К слову, нападения случались не только на наших купцов, но именно наши караваны были вырезаны подчистую. Удары, последовавшие по отдельным деревням и поместьям шляхтичей, были, как правило, направлены против самых буйных и непокорных королевской власти. Когорд справедливо предположил, что большинство нападений были совершены людьми Бергарского с целью вызвать истерию внутри страны и получить добро на создание дополнительных вооруженных сил, мобильных и профессиональных.

И вскоре это дало свой результат. В прошлом году последовал демарш союза городов Лангазы. Поднакопив силы, они вновь решили забрать у лехов северные порты, благо, что время было выбрано, как казалось, благоприятное. Ведь

Республика только-только получила звонкую оплеуху – и от кого?! От собственных подданных из южного захолустья!

Думаю, фрязи имели серьезный шанс – если бы не медлили и не бросили вперед лишь десятитысячный корпус, вроде как на разведку боем. Впрочем, возможно, они и не медлили, а пожадничали с платой большим соединениям наемников, решив, что и десяти тысяч профессиональных бойцов хватит для захвата единственной лехской крепости на побережье, с гарнизоном всего в две тысячи воинов. И ведь им это практически удалось! В стране началась паника, гетман севера замер в нерешительности, собрав лишь половину хоругвей лена и застряв в паре дневных переходов от стольного града Вальны. А сейм затянул с одобрением «посполитого рушения», коронная же армия не успевала к трагичной развязке…

А Бергарский словно ждал этого нападения: прилюдно сложив с себя полномочия председателя сейма (предварительно обозвав присутствовавших на заседании трусливыми бабами), рванул с горсткой воинов на север, по ходу включая в дружину «бойцов с разбойниками». На момент прибытия к осажденному Даницгу он имел под рукой уже пять тысяч опытных рубак.

Но атаковал герцог не лагерь осаждающих, основательно укрепленный редутами и гиштанскими рогатками {20} (#litres_trial_promo), а небольшую крепостцу на побережье, используемую фрязями как промежуточную базу снабжения. Последние, не имея представления о реальной численности противника, разделили силы и бросили пять тысяч воинов на помощь осажденным.

Бергарский атаковал их из заранее подготовленной засады, одним мощным ударом рассеяв ряды пикинеров и аркебузуров, а после истребив смешавшуюся массу пехоты в беспощадной сабельной рубке…

Признаться, обреченные фрязи дрались отважно, уполовинив силы Бергарского, что, впрочем, нисколько не обескуражило герцога. Облаченные в кирасы поверженных врагов лучшие его рубаки вырезали ночью часть фряжских постов, после чего в лагерь проникли основные силы лехов и устроили форменную бойню. Когда наемники осознали, что в лагерь ворвался враг, было поздно – более трети ландскнехтов было истреблено, а оставшиеся не сумели организоваться в ночной суматохе. Удар осажденных из даницгской цитадели довершил разгром противника.

Истребив захватчиков, Бергарский, однако, не остановился. Пленных наемников он банально перекупил, большую часть гарнизона Даницга включил в свой контингент и с новыми силами вторгся на территорию Лангазы. Первый же торговый город, Швериг, пал после стремительного штурма – наемники отказались оборонять его, запросив за свои услуги непомерную плату, а неопытное городское ополчение бойцы Бергарского легко рассеяли.

Чувствительный удар герцога заставил лангазских толстосумов пересмотреть планы на будущее и отказаться даже от мысли о завоевании северного побережья Республики. Более того, потеряв большую часть своих кавалеристов, Бергарский заключил выгодные контракты с самыми могучими кондотьерами {21} (#litres_trial_promo) сроком на пять лет, в скором времени переведя их в южное гетманство. Одновременно с этим, снисходительно принимая регалии председателя сейма, он тут же продавил новый закон о военной обязанности шляхты, обеспечив короля правом объявлять «посполитое рушение» без одобрения сейма.

Естественно, усиление королевской власти и войска Республики, а также влияния самого Бергарского, самого опытного, талантливого и храброго полководца лехов, не могли не обеспокоить Когорда. Впрочем, он всегда знал, что лехи не смирятся с потерей пусть и захудалой, но провинции и предпримут все меры, чтобы ее вернуть. А значит, военный вопрос стоял во главе угла с самого начала…

Всем известным вариантам организации армии, коих сегодня насчитывается три – устаревшее и уходящее в прошлое дворянское ополчение, содержание отрядов профессиональных наемников, а также последнее слово военной мысли, рекрутский набор, – Когорд предпочел уже неплохо зарекомендовавшее себя и испытанное в степной страже «новшество». Король решил, что создаст армию, в которой все без исключения боеспособные мужчины пройдут службу, будучи мобилизованы на трехгодичный срок. Однако интересное и по-своему уникальное решение оказалось не так-то просто воплотить в жизнь – не прогонишь же всех мужиков через степную стражу!

Что же, король подсмотрел у лехов – учредил воеводства, разбив страну на десять примерно равных (по численности боеспособных мужчин) воеводств, поставив во главе каждого наиболее опытных полковников. Причем если южные, то есть примыкающие к степи, воеводства должны были поставлять в первую

очередь легкую конницу, способную, однако, сражаться рейтарским строем, то северные (близкие, соответственно, к горам) должны были обучить многочисленных пикинеров. Стрельцы, как бойцы элитные и немногочисленные, служат в гарнизонах – как степной стражи, так и обеих северных крепостей, а кирасир Когорд зачислил в регулярную гвардию, обеспечив каждому бойцу пожизненное содержание.

Вроде легко и просто? Только на словах. На деле система воеводств и степной стражи во всем приграничье королевства сложилась лишь этим летом, да и то со значительными оговорками. Когорд не просто так пошел на осложнение отношений с озлобившимися до предела торхами, перед уходом в степь заставив их за бесценок продать молодых рабов и рабынь. Королю были нужны как рабочие руки молодых мужчин, так и чрева матерей, способных рожать здоровых карапузов – будущих воинов и защитников Рогоры. Но и с учетом новых заселенцев проблема с рабочими руками не решалась.

Когорд тут же посадил на плодородные земли уцелевших дружинников, молодые и неженатые получили право набирать среди лехских баб понравившихся жен – именно жен, а не рабынь. Многие, впрочем, предпочли звать к обрядовому камню {22} (#litres_trial_promo) приглянувшихся землячек. Выкупленных мужей-лехов расселили по деревням, где особенно много мужиков выбыло в боях. Было объявлено, что пары из еще способных зачать и выносить детей рогорских вдов и бывших кметов Республики освободят от налогов на пять лет. Таким образом Когорд старался одновременно и кормильцев дать осиротевшим семьям, и обновить застоявшуюся кровь.

Часть армии удалось распустить по домам прошлой весной, однако на место выбывших пришлось тут же набирать молодых да неженатых парней, лучше всего подходящих для службы. В итоге ни о каком всеобщем воинском обучении речи пока не пошло – для боеспособности войска необходимо сохранить не менее двух третей ветеранов или, по крайней мере, полностью обученных бойцов. В то же время из всех боеспособных мужчин, что реально могут служить, удается выдернуть в постоянные дружины и гарнизоны не более десятой части – иначе королевство потеряет саму возможность прокормить имеющееся войско, отпустив столько рабочих рук…

Два крепких светловолосых блондина неспешно прогуливаются по улице в компании молодого подмастерья, он оживленно жестикулирует, видимо, в подтверждение своих слов. Компания развернута ко мне спиной, так что

бывшие наемники, а теперь полноценные воины степной стражи не спешат брать на караул, приветствуя принца-консорта. Впрочем, фрязи отличаются достаточным своеволием и перед рогорскими полковниками тянуться не спешат, реальную власть над ними имеют только собственные командиры. Но черту рядовые бойцы не переступают, так что и шут с ними. Главное, что воины отличные и ощутимо помогают на границе. А эти конкретные ребята наверняка прибыли в Лецек или с заказом для наших оружейников – починка и правка как доспехов, так и клинков, или уже за исполненным заказом. И если наш мастер так оживленно жестикулирует, возможно, восстановить или изготовить удалось не все.

Вопрос о наемниках-фрязях, сосредоточенных на границе, остается нерешенным вот уже два года. С одной стороны, их давно пора привязать к королевству, женив на рогорских вдовах, девицах да оставшихся незамужними лешках. Но ведь просто так, в один миг снять три тысячи воинов с границы невозможно – мы ее фактически оголим. Значит, перед этим необходимо набрать во фряжские крепостцы новые гарнизоны, а эта проблема упирается в нехватку мужчин. А с другой – что лехи (выкупленные пленники-кметы), что рогорцы – это природные трудолюбивые пахари, любящие землю и умеющие на ней работать. А вот фрязи-ландскнехты – это профессиональные убийцы, коих в узде держит лишь воля командира и жесткий свод законов на время службы. Но вне ее – это бесшабашные гуляки и головорезы, способные вдесятером изнасиловать женщину, а после вскрыть ей живот лишь ради забавы. Пьющие без всякой меры, во хмелю они привыкли превращаться в диких зверей, не имеющих ничего общего с человеческим обликом. И сажать их на землю, впустив в размеренный уклад жизни рогорских пашцев, – весьма и весьма опрометчивый шаг.

Тем не менее уже на эту осень запланирован частичный вывод фряжских гарнизонов (около трети бойцов) и расселение их на землях степной стражи. Право закончить службу будет предоставлено только тем, кто действительно изъявит желание взять жену и земельный надел, а буйный нрав ландскнехтов (очень на то надеемся) остудит окружение бывших дружинников, знающих, с какого конца браться за саблю.

Шумный, грохочущий и вонючий Лецек наконец-то остался позади. Дорога к королевской резиденции лишь частично проходит сквозь город, зацепив пару ремесленных кварталов. К слову, Ларг, назначенный Когордом бургомистром, в ближайшем будущем планирует сделать полноценный окружной тракт.

Как же приятно полной грудью вдыхать пряный, бодрящий аромат лесных трав и цветов! Приближаясь к раскинувшемуся за городом светлому лиственному лесу, я с удовольствием смотрю по сторонам, любуясь девственной рогорской природой, изобилующей зеленью. Красота!

Каждому пути в свой срок приходит свое окончание. Настал черед и этой дороги – впереди завиднелись деревянные ворота, украшенные резьбой, высокие крыши свежесрубленных теремов. Прикрыв глаза от удовольствия, я четко представил себе лучезарную улыбку малыша, его радостный крик, а также требовательные, жаркие объятия молодой супруги, ее жадные из-за разлуки поцелуи и пришпорил Аруга: пора бы верному другу и ускориться!

Вот я и дома!

Глава 2

Лето 760 г. от основания Белой Кии

Временная резиденция короля, внутренние покои королевской четы

Когорд и Эонтея

Эонтея с тревогой и болью в сердце наблюдала за мечущимся по спальному покою мужу. Прожив с Когордом вот уже более трех десятков лет, она очень тонко чувствовала как перемены его настроения, так и глубинные порывы души. И то, что супруг в короткий срок сменил статус с захудалого барона и бунтовщика на короля суверенной державы, нисколько не изменило отношения Эонтеи. Для верной и преданной жены Когорд всегда оставался тем же смелым, веселым, молодым и великодушным, каким она увидела его в первый раз много лет назад в покоях своего отца. А перед ее внутренним взором муж всегда представал львом, невероятно сильным и царственным хищником – и разительное изменение внешнего статуса нисколько не меняло его сути.

Но сейчас было совсем необязательно знать Когорда несколько десятков лет и понимать тончайшие грани его душевного состояния – едва сдерживаемый гнев и тревога короля сразу бросались в глаза. И это была еще одна прерогатива Эонтеи – только с ней Когорд мог позволить себе дать выход чувствам, явить свое истинное нутро. Вот и сегодня, когда Аджей, поначалу нелепо мявшийся, с отчаянной решимостью выдал тревожную весть, Когорд не позволил себе даже измениться в лице. Нет, он пожурил юношу, разом успокоив его, после чего великодушно отпустил к жене. Хотя какой он юноша и чего мялся? Ведь матерый, бывалый боец, выживший не в одной отчаянной схватке, и удачливый авантюрист, похитивший сердце дочери и походя чуть ли не лишивший жизни самого Когорда… Но робеет перед королем, переживает, словно в случившемся есть его вина! И в то же время как легко и пружинисто он направился к Энтаре, одной лишь фразой переложив тяжесть ответственности на Когорда.

Именно поэтому король так старательно сдерживает свои чувства, ни на секунду не дает усомниться в своих знаниях, силе и уверенности. Что бы ни творилось в его душе, подданные должны верить в его непогрешимость и правильность выбора.

Вот только правда в том, что все это лишь видимость – и даже самому сильному и умному человеку знакомы страх, сомнения и нерешительность. Но истинный король, чувствующий непомерную ответственность за свой народ, за своих подданных, способен открыться лишь очень немногим приближенным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kalinin_roman/rogora-plamya-voyny

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити